

РАЗВИТИЕ ИНТЕРЕСА К ЯПОНИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ОРИЕНТАЛИЗМА И ЯПОНИЗМА

И. Ю. Лампе

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь, hr-irina@tut.by*

Автор статьи рассматривает развитие интереса к Японии через проявление феномена ориентализма, кроме того, в статье уделено особое внимание японизму. Ориентализм трактуется как феномен глобального масштаба, как проявление процесса всемирной глобализации. Автор также рассматривает термин «японизм» и историю его возникновения. В статье последовательно рассматриваются четыре этапа развития ориентализма и появления японизма. Первый этап охарактеризован автором как этап противоречивой и отрывочной информации о Японии, которая большей частью была вымышленна. Автор отмечает, что второй этап ориентализма был тесно связан с «открытием» Японии и появлению явления «японизма» через всемирные выставки, собирание коллекций и иллюстрированные издания. Третий этап автор охарактеризовал как дальнейшее развитие интереса к японской культуре, в качестве каналов проникновения называя, помимо научно-популярной литературы, культурный обмен и кинематограф. Автор отмечает, что на протяжении четвертого этапа беспрецедентную роль в распространении культуры Японии играет интернет и массовая культура. На каждом из этапов автором описано, как данные феномены проявлялись на белорусской территории.

Ключевые слова: ориентализм; японизм; периодизация; коллекционирование; проявление в изобразительном искусстве; Европа; Россия; Беларусь.

DEVELOPMENT OF INTEREST IN JAPAN AS A MANIFESTATION OF THE PHENOMENON OF ORIENTALISM AND JAPANISM

I. Y. Lampe

*Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National
Academy of Sciences of Belarus, Surganova St. 1, building 2, 220072, Minsk,
Republic of Belarus, hr-irina@tut.by*

The author of the article examines the development of interest in Japan through the manifestation of the phenomenon of Orientalism; in addition, the article pays special attention to Japaneseism. Orientalism is interpreted as a phenomenon on a global scale, as a manifestation of the process of worldwide globalization. The author also examines the term “Japanism” and the history of its origin. The article consistently examines the four stages of the development of Orientalism and the emergence of Japaneseism. The first stage is characterized by the author as a stage of contradictory and fragmentary information about Japan, which was mostly fictitious. The author notes that the second stage of Orientalism was closely connected with the “discovery” of Japan and the emergence of the phenomenon of

“Japanism” through world exhibitions, collections and illustrated publications. The author characterized the third stage as the further development of interest in Japanese culture, naming, in addition to popular science literature, cultural exchange and cinema as channels of penetration. The author notes that during the fourth stage, the Internet and mass culture played an unprecedented role in the dissemination of Japanese culture. At each stage, the author describes how these phenomena manifested themselves on Belarusian territory.

Keywords: Orientalism; Japonism; periodization; collecting; manifestation in fine arts; Europe; Russia; Belarus.

Живейший интерес к странам Востока имеет давнюю историю: он начался в эпоху географических открытий в XVII – XVIII вв. Данный интерес повлек за собой увлечение восточными «диговинками» и на протяжении нескольких столетий во многом определил заинтересованность Европы культурой стран Востока, включая его художественную традицию и философию данного региона.

Это повлекло за собой возникновение новой стилистической тенденции – ориентализма, которая вылилась в новый эволюционный этап европейского искусства, объединивший ар нуво и ар деко, стиль модерн. Влияние ориентализма коснулось всех видов искусства. И благодаря местоположению нашей страны в центре Европы эта тенденция не могла остаться без внимания и в Беларуси.

Интерес к Японии в белорусской культуре имеет давнюю историю, начиная с XVIII в., от включения восточных диговинков в собрания знаменитых магнатских родов [5, с. 12–15]. Благодаря белорусским магнатам и их заинтересованности японским искусством, устройению японских павильонов в усадьбах [3, с. 160] увлеченному собирательству и сохранению предметов восточных коллекций, на этих землях сложилось общее представления об этой экзотической стране.

Мы склонны рассматривать интерес к традиционной японской культуре на белорусских землях в рамках ориентализма. Ориентализм мы склонны трактовать как феномен глобального масштаба, т.е. как проявление процесса всемирной глобализации. Академическое изучение и осмысление культурной традиции и всевозможных аспектов восточного (в т.ч. японского) искусства, включая литературу, философию, экономику и др. науки, которые могут быть связаны с восточным регионом – вот что такое представляет собой ориентализм в нашем понимании.

Впервые термин «Ориентализм» был введен в научный обиход американским ученым Э. В. Саидом (1935–2003) в книге 1978 г. «Orientalism». Ученый высказал свою точку зрения, говоря о том, что «[...] Восток – это неотъемлемая часть европейской материальной цивилизации и культуры. Ориентализм выражает и репрезентирует эту часть культурно и даже

идеологически как вид дискурса с соответствующими ему институтами, словарем, ученой традицией, образным рядом, доктринами и даже колониальными бюрократиями и колониальным стилем. <...>» [8, с. 8.]. Учитывая высказанное мнение американского исследователя, мы все же склонны в данном вопросе разделять точку зрения профессора Школы востоковедения НИУ ВШЭ Е. В. Штейнера, высказанную в лекции «Ориентализм как ур-феномен глобализации» [4]. В данной лекции В. С. Штейнер указал, что «[...] возникновение ориентализма было связано с некоторой усталостью западной цивилизации от постоянного вызова в расширении географического пространства и проявления любопытства в поиске нового, которые впоследствии трансформировались в экзистенциальную потребность изменения мировоззрения, осмысления альтернативного способа философии жизни и себя». Поддерживая идею появления ориентализма в начале XVIII в. в ответ на возникновение новых потребностей в «философском дискурсе Европы» [4], мы считаем, что история ориентализма и его влияние впоследствии усиливалось, поскольку «ориентализм явился как решающая и, в каком-то смысле, последняя фаза способов западного видения и репрезентации» [4]. Рассмотрим этапы ориентализма и их особенности.

Первый этап пришелся на начало XVIII в. – первую половину XIX в. Современные земли Беларуси в рассматриваемый нами период последовательно входили в состав Речи Посполитой, а затем Российской империи. Контакты данных государств с Японией были опосредованными, через привозные предметы и увлечение их коллекционированием, дипломатических отношений установлено не было. Отметим, что фактологические записи о культуре и искусстве Японии этого периода принадлежат дипломатам, военным и путешественникам. Самую раннюю оценку изобразительного искусства Японии дал Н. М. Карамзин (1766–1826). Кроме того, свои личные впечатления о японском искусстве и японцах высказали в своих записях русские мореплаватели В. М. Головнин (1776–1831), и И. Ф. Крузенштерн (1770–1846). Представление о Японии формировались преимущественно через призму европейского опыта и отчетов миссий иезуитов, записок мореплавателей и путешественников, сведений от японских посольств, направленных в страны Европы и т.д. В этот период информация о Японии была противоречива и отрывочна, в большей степени она вымышлена, а интерес к Японии был интересом к загадочному миру экзотики. В большей степени художники его придумывали сами, чем копировали или заимствовали из конкретных произведений японского искусства. Они использовали традиционно-западный способ изображения и форму, но при этом тематика, мотивы и сюжеты их произведений были восточными: это был знакомый европейцам Восток.

Непосредственно на белорусских землях возникновение восточных коллекций связано с магнатскими родами, а одна из наиболее известных коллекций находилась в Несвижском замке у Николая Радзивилла Черного (1515–1565). Она считалась самым крупным собранием в Великом княжестве Литовском на протяжении двух столетий, а в течение XVII и XVIII вв. пополнялась. Согласно описаниям современников, датируемым серединой XIX в. [5, с. 17], она содержала помимо прочих диковинок, коллекцию фарфора и декоративно-прикладного искусства Востока.

Примеру Радзивиллов следовали и другие знаменитые магнатские рода (Сапегы, Хадкевичи, Прозоры, Острожские, Лапатынские, Солтановы, Друцкие-Любецкие и др. [5, с. 12–20]). В XVIII в. в парках усадеб Дорошевичи, Ворняны, в парке резиденции Браницких в Белостоке «<...> были возведены беседки, павильоны, стилизованные под пагоды, японские уголки имелись в ряде крупных парков, ансамбли которых формировались в середине – второй половине XVIII в... <...>» [3, с. 160]. Японская тематика также присутствовала в быту усадебных домов магнатов, украшая экзотическими предметами, оружием, набором предметов декоративно-прикладного искусства комнаты дворцов и усадеб более-менее состоятельных шляхтичей, «<...> создавая иллюзию единства представителей одного сословия...» [3, с. 160–161]. Отметим, что коллекции магнатских родов в соответствии с тенденциями общеевропейского развития должны были сформировать национальное достояние наших земель, однако из-за борьбы за белорусские земли между Россией и Польшей подобного не произошло.

Второй этап ориентализма пришелся на вторую половину XIX в. – 30-е гг. XX в. и был тесно связан с «открытием» Японии в 1854 г. Началось активное изучение японского языка и обмен посольствами. Дипломаты, военные, путешественники собирали коллекции японского искусства, при этом отметим, что особенным интересом пользовались японские цветные гравюры укиё-э. Помимо коллекций, основными каналами, через которые японское искусство проникало в Европу были всемирные выставки, а также многочисленные иллюстрированные издания, началось время «японизма».

Данный термин впервые использовал знаменитый французский критик и коллекционер Филипп Берти в журнале 1872 г. «*La Renaissance littéraire et artistique*» [7], где описал европейское увлечение Японией после Всемирных выставок. В западном искусстве «японизм» проявился несколько раньше, у художников-импрессионистов.

В России самой первой и самой обширной коллекцией японской цветной гравюры стало собрание С. Н. Китаева (1864–1927). С нее началось знакомство с Японией у широкой аудитории, а также увлечение гравюрой русских художников Серебряного века [2, с. 31–33].

В течение рассматриваемого периода на белорусских землях продолжалось формирование коллекций [6]. Согласно сведениям современников, крупнейшее собрание декоративно-прикладного искусства с коллекцией фарфора имелось в Обринском дворце у рода Кашицев в Западной Беларуси, аналогичные собрания имели Небытовские, Голинские, Святополк-Завадские, Техановецкие и другие [5, с. 48]. После 1917 г. большинство частных коллекций были изъяты Советской властью и национализированы. С началом Великой Отечественной войны большинство коллекций белорусских музеев не успели эвакуировать.

Начиная с 1930-х гг. до 1950-х гг. о японском влиянии или искусстве почти не упоминается, в этот период осмысление данного вопроса не получает дальнейшего развития.

Третий этап: с 1950-х гг. – до 1990 гг. XX в. В Европе третий период ориентализма характеризовался тем, что художники стали ориентироваться на африканские / тихоокеанские формы искусства. В этот период ориентализм перешел «от восхищения Востоком к идее всего отличающегося, иному и непохожему в искусстве» [4]. После Второй мировой войны между странами - СССР и Японией - сложились условия для налаживания разносторонних отношений, а с 1956 г. между странами вновь были инициированы контакты в области культуры и искусства. Одним из важнейших каналов, помимо научно-популярной литературы, способствовавших культурному обмену, стал кинематограф, поскольку, начиная с 1963 г., ежегодно, стали проводиться фестивали японских фильмов в СССР [1, с. 29], а в 1960-е гг. на представителей советского искусства оказали значительное влияние фильмы Акиры Куросавы. Немалую роль сыграло увлечение карате, что также подогрело интерес к Японии и изучению культуры этой страны. В течение 1960-х – 1970-х гг. были переведены на русский язык произведения Кобо Абэ, Ясунари Кавабата, Рюносукэ Акутагава, Ясуси Иноуэ, Кэндзабуро Оэ и других современных японских писателей. Стали популярны связи на уровне городов-побратимов, в нашей стране происходил обмен делегациями, результатом которого стало пополнение в 1970-е – 1980-е гг. коллекции Национального художественного музея несколькими японскими кимоно, продолжив тем самым формирование «Восточной коллекции». Также был популярен обмен делегациями на уровне Союзов писателей /художников, и представители искусства, которым не посчастливилось побывать в Японии с делегацией от Союза художников или с туристическим визитом, воображали себе «Страну Восходящего Солнца» из различных японских стихотворений в переводе российских востоковедов, на уровне репродукций гравюр укиё-э, или по японским фильмам. Увлечение Японией на данном этапе получило отражение в белорусском искусстве лишь фрагментарно.

Четвертый этап: с 1991 г. – по начало XXI в. Данный этап в Европе характеризовался «[...] расширением моделей дозволенного в искусстве; ориентализм на этом этапе приобрел тенденцию глобальной глубинной истернизации, включающей в себя альтернативную самоидентификацию и способы культурного видения, иные культурные стратегии, манифестирующие в восточном изображении мира и восточном (буддийском) миропонимании» [4]. В истории Беларуси начался новый этап, как суверенного государства: с 1991 г. наблюдалось активное взаимодействие между Беларусью и Японией в области искусства и культуры. Одним из важных аспектов взаимодействия культур на этом этапе стала массовая культура, ставшая важнейшим фактором взаимодействия и взявшая на себя роль адаптивной системы, внутри которой культура Японии отметилась последовательным расширением своего присутствия в различных сферах. Кимоно стало частью поп-культуры, тогда же начинается бум кимоно за пределами Японии; в Беларуси начинается инвестирование в коллекции кимоно – нам достоверно известно о четырех коллекциях кимоно в нашей стране (три в Минске, включая автора исследования, одна в Могилеве). Беспрецедентную роль в распространении информации о японской культуре этого периода играет Интернет.

Особенность данного этапа проявилась в том, что спустя несколько десятилетий замкнутости, наследство всей мировой культуры стало доступным для белорусских художников, которые стремились впитать всю парадигму художественного опыта человечества. Кроме того, на смену старому поколению пришли новые мастера, которые стали активно осваивать философско-эстетическую сторону постмодернизма, а также активно проявлять свое мировоззрение через призму японской художественной традиции.

Таким образом, ориентализм и японизм имеет давнюю историю на белорусских землях и находит свое отражение как в культуре, так и в других аспектах, используется представителями искусства для расширения своего инструментария самовыражения и демонстрации своего мировоззрения.

Библиографические ссылки

1. *Афонин Б. М.* Культурный и гуманитарный аспекты российско-японских отношений (краткий ретроспективный обзор) // ТРУДЫ ИИАЭ ДВО РАН. Том 24. Владивосток: 2019. № 3. С. 23 – 37.
2. *Грабарь И. Э.* Японцы // Мир искусства. 1902. №2. С. 31-34.
3. *Лазуко Б. А.* Ориентализм в усадебной культуре Беларуси XVIII в. // Усадьбы Смоленщины и Беларуси, их владельцы и обитатели. Музыка. Архитектура. Садово-парковое искусство: сборник материалов международной научно-практической конференции, 4-5 июня 2018 г. Смоленск, 2018. С. 157-162.

4. Сайт «Пост наука», лекция проф. Е.С. Штейнера «Ориентализм как ур-феномен глобализации» (РФ). URL: <http://postnauka.ru/video/8456/> (дата обращения: 12.08.2023).
5. *Гужалоўскі А. А.* Нараджэнне беларускага музея. Мінск : НАРБ, 2001.
6. *Гужалоўскі А.А.* Беларускія калекцыянеры і грамадства – доўгі шлях да ўзаемаразумення // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 6 / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк.рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2011. С. 85–93.
7. *Burty Ph.* Japonisme // *La Renaissance littéraire et artistique*. 1872. №4, de Mai 18, 1872, Paris. P. 25-26.
8. *Said E. W.* Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978.